

Яковлева Г.Н.
ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ 9 ЯНВАРЯ 1905 г.
НА СТРАНИЦАХ ВИТЕБСКИХ ГАЗЕТ 1920-х гг.

После революции 1917 года не было понятия «политика памяти», но большевики очень хорошо понимали роль государства в утверждении новой символики, новых героев и новых праздничных дат. «Будучи важной частью советской праздничной культуры, государственные праздники на всем протяжении своего существования укрепляли связь между населением и властью посредством совместного участия в торжествах; фиксировали в общественном сознании значимые для страны события и факты; способствовали распространению и закреплению в массах пропагандируемых идей, взглядов, ценностей, идеологии» [1, с. 4]. Статья 10 Декрета «О восьмичасовом рабочем дне» (29.10.1917) определила, что «в расписание праздников, в кои не полагается работать» включались все воскресные дни, главные христианские праздники и уже 27 Февраля (Низвержение самодержавия) и 1 Мая (День Интернационала). Празднование 7 ноября (день Пролетарской Революции) было установлено специальным постановлением ВЦИК 18 сентября 1918 г. «О дне празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». 2 декабря 1918 г. особая комиссия при СНК РСФСР приняла Правила о еженедельном отдыхе и о праздничных днях, в которых оговаривались старые религиозные и новые государственные праздники: Новый год (1 января); День 9 января 1905 года (22 января); День низвержения самодержавия (12 марта); День Парижской коммуны (18 марта); День Интернационала (1 мая); День Пролетарской революции (7 ноября).

Рассмотрим, как освещалось их празднование в газетах, издаваемых партийными и советскими органами г. Витебска в 1920-е гг. Общеизвестна та роль, которую сыграл в оформлении празднования первой годовщины Октябрьской революции в Витебске М. Шагал. Сначала оформление получило положительную оценку официальных властей, однако со стороны обывателей, не понимавших языка “левого” искусства, раздавалось немало недоуменных голосов. Следующим советским торжеством, в оформлении которого Шагал, как комиссар искусств, должен был принять непосредственное участие, было празднование 1 Мая 1919 г. Однако к этому времени началось давление на футуристов в Москве. Отстранение их от оформления революционных праздников в столице сразу сказалось и на позиции местных партийцев. В апреле 1919 г., обсуждая предстоящее празднование 1 Мая, руководители витебских большевиков взяли его организацию в свои руки. «Футуризм вовсе не пролетарское творчество, а творчество буржуазное и только благодаря тов. Луначарскому футуристы заняли ответственные места, но пролетариат их везде и всюду выметает», – говорил один из местных партийных лидеров Пинсон. «Не будет развешено плакатов, как в Октябрьские дни, значения которых никому не было понятно, и на которые была затрачена огромная сумма денег», – вторил другой [2, л. 19об.–20]. На общем собрании Витебской организации РКП(б) и заседании Витебского губкома партии при обсуждении вопроса о праздновании 1 Мая было подтверждено, что контроль над устройством праздника берет на себя партийный комитет. Член губкома С. Шейдлина заявила: «Форма празднеств Октябрьских дней не удовлетворила рабочих, но на этот раз устройство празднеств берет на себя партийный комитет. Для этого выделена Комиссия из трех лиц: Крылов, Пинсон и Пикман, а также будут привлечены представители профессиональных союзов и специалисты в лице художников, но они будут работать под руководством партийного комитета и будут делать то, что нам желательно». Постановление губкома звучало еще категоричнее: «Футуристические плакаты праздника считать неприемлемыми» [3, с. 80–81]. Пафос революционного авангарда в оформлении празднований 7 ноября и 1 Мая сошел на нет. Постепенно выработались ставшие традиционными формы празднования этих главных советских торжеств, а сами они сохранились весь советский период истории.

День 9 января 1905 г., День низвержения самодержавия и День Парижской коммуны в конце 1920-х гг. были законодательно лишены статуса выходного дня, а Февраль постепенно отошел в тень Октября. Но их значение в общественно-политической жизни страны в те годы было достаточно значимо и это хорошо видно на региональном уровне. Особенно активно отмечались события, связанные с революцией 1905 года. В январе 1924 г. развернулась массовая кампания по внедрению новой советской безрелигиозной обрядности. В память 9 января оршанские рабфаковцы присвоили новорожденному мальчику имя «Дян», а на кожевенном заводе в Витебске секретарь

партячейки в ходе красных октябрин предложил назвать девочку «Деяной» [4, л. 149, 83 об.]. В память об этих событиях в январе 1924 г. печатался целый газетный разворот «9-е января». В нем сообщалось о том, что в клубе губкома РКП(б), в клубе им. Хайкина, в клубе «Юных пионеров» состоялись собрания, лекции, вечера, посвященные 9 января. Газета напечатала стихи местных авторов о революции, материалы о священнике Гапоне, воспоминания очевидцев событий 1905-1907 гг. [4, л. 50об]. Сообщалось, что 24 января в витебском губернском исправительном доме был проведен доклад на тему «Кровавое воскресенье». Струнный оркестр и хор заключенных исполнили «Интернационал», похоронный марш, «Вы жертвою пали» [4, л. 80].

Новый государственный праздник появился в связи со смертью В.И. Ленина 21 января 1924 г. По всей стране с 22 по 27 января был проведен целый ряд мероприятий, направленных на увековечивание его имени. День 21 января 1924 г. был объявлен траурным днем, Петроград было решено переименовать в Ленинград, а в Москве и других городах намечалось сооружение памятников вождю. По всей стране для этих целей специальными комиссиями начался сбор средств. Вслед за Моссоветом, в знак глубокого траура по случаю смерти В.И. Ленина все театры и кино Витебска закрыли до 27 января [4, л. 54]. Губернская комиссия по организации траурного шествия в день похорон Ленина 27 января несколько раз информировала население о том, что и как будет проходить в этот день. Были организованы колонны и намечены пути их шествия по городу. Знамена должны были быть черные или красные с черной каймой. Сообщалось, что «опускание тела Ленина в могильный склеп состоится в 4 часа дня и будет сопровождаться артиллерийским салютом». «При первом выстреле обнажаются головы и склоняются знамена», а после их окончания колонны начинают расходиться [4, л. 63]. В Витебске и других городах, местечках и деревнях, в учебных заведениях, на предприятиях, в рабочих, партийных, комсомольских клубах, сельсоветах прошли траурные митинги и собрания. На призыв «Известий Витебского губисполкома и губкома РКП» присылать отзывы с мест на кончину вождя откликнулись рабкоры, партийные и комсомольские ячейки. Публиковались телеграммы и отклики на смерть вождя от рабочих, крестьян, студентов, красноармейцев, детей города и губернии. Скорбели о смерти Ленина и призывали сплотиться вокруг РКП(б) заключенные губисправдома. Крестьяне одной из деревень Велижского уезда, переживая о смерти вождя, давали обещание, что заветы Ильича, «являющиеся для них *красным евангелием*, будут неуклонно проводиться в жизнь» [4, л. 87]. Крестьяне местечка Ореховно одной из волостей Полоцкого уезда и расположенной там же пограничной воинской части на общем собрании постановили: ходатайствовать перед ЦИК БССР о переименовании в память об В.И. Ленине м. Ореховно в Ильично [4, л. 185]. На многочисленных собраниях принимались резолюции о присвоении имени Ленина ряду школ, губернскому показательному театру, механическому техникуму, центральной витебской амбулатории, 1, 2, 3-му лесопильному заводу [4, л. 77 об.]. Губернская юношеская газета «Юный творец» стала называться «Юный ленинец». Витебская организация РКП(б) на своем траурном заседании постановила на средства организации соорудить в Витебске памятник В.И. Ленину. Это решение вызвало дискуссию, т.к. «эта незначительная оговорка – “на средства организации” больно ударила по самолюбию трудящихся, пробудила в них пролетарскую гордость». Беспартийный тов. Левитан в своем письме недоумевал, почему строительство будет идти только на средства организации? И утверждал, что у беспартийных вместе с партийными «один учитель тов. Ленин и на площади Свободы может быть один памятник великому вождю, созданный руками всех трудящихся». Губком использовал письмо для утверждения преданности трудящихся заветам Ленина, более того, акцентировал внимание и на том, что смерть вождя оплакивает и «трудовая, честная беспартийная интеллигенция». Интересно, что как бы предваряя будущее решение о совмещении траурных дат, один из членов витебской коллегии адвокатов писал: «Печальный день, – 9 января, – пролития крови рабочего класса отныне стал не только днем воспоминаний, зовущих к новой борьбе, но и днем глубокой скорби трудящихся всего мира по безвременно погибшем их великом вожде» [4, л. 77 об.]. Были втянуты в массовые мероприятия в связи с кончиной Ленина и дети. В Велижской еврейской детской коммуне после доклада на торжественном заседании по случаю вопроса об увековечении памяти т. Ленина дети «поклонились, что никогда не забудут дорогого учителя и постановили назвать свою коммуну его именем» [4, л. 127]. Девятилетняя ученица одной из школ Витебска написала стихи: «Милый Ленин, // Бедный мой, // Ты спишь // В земле сырой. // Когда подрасту, // В твою партию вступлю, // Буду я бороться, как ты, // За счастье рабочих и бедноты. // Бедный Ленин, // Милый мой, // Ты лежишь // В земле сырой» [4, л. 72 об.]. Делегатки, посещавшие витебские детские сады, сообщали, что на занятиях «обязательно все рисуют Ленина в грубу,

это наиболее обычная тема для ребят» [5, л. 9]. В Витебске в центральном детском очаге дети лепили «ящик или корыто, в котором лежит фигурка, означающая человека». Руководители очага пояснили, что это Ленин в гробу. Рабкор уточнял, что таких однородных фигурок – «Ленин в гробу» – много [4, л. 105]. На вступительном собеседовании в витебский Еврейский педагогический техникум в сентябре 1924 г. все поступавшие писали письменную работу. Одна из предложенных им тем звучала так: «Как у нас встретили смерть Ленина» [6, л. 1].

9 сентября 1924 г. Президиум ЦИК СССР издал постановление «О днях, посвященных памяти В.И. Ленина». В нем разъяснялось, что день кончины В.И. Ульянова-Ленина (21 января), объявленный днем траура, является рабочим днем. Нерабочий день 22 января, связанный с событиями 9 января 1905 г., одновременно посвящается и памяти В.И. Ульянова-Ленина.

На VI чрезвычайном съезде советов БССР (март 1924 г.) при обсуждении мер по увековечиванию памяти Ленина упоминались инициативы с мест: «полоски имени Ленина», которые крестьяне коллективно обрабатывали, а доходы шли на общественные нужды, крестьянки, ткавшие полотна для учреждений имени Ленина, дети, устраивавшие «уголки имени дяди Ленина» [7, л. 187 об.]. Однако постепенно накал эмоций, во многом искренний, но и инспирированный властями, спадал. В 1926 г. «Заря Запада» в рубрике «2 года без Ленина» публиковала материалы о траурных собраниях, проходивших в городе. После докладов на заводах, в техникумах и школах состоялись пьесы и инсценировки, поставленные силами рабочих и учащихся. «В 6 час. 50 мин. 22 января 1926 года открылось общее собрание рабочих “Водосвета”. Около 120 человек собралось в маленький клуб почтить память великого вождя и жертв Кровавого воскресенья. Доклад тов. Рода о жизни и деятельности Владимира Ильича был заслушан с редким вниманием. Боялись шевелиться, чтобы не прослушать, что говорит докладчик». «23 января 1926 года в школьном клубе 5-й семилетки состоялся вечер самодеятельности, посвященный т. Ленину и 9-му января 1905 года. На вечере присутствовали красноармейцы содружественной части. После докладов о Владимире Ильиче и о 9 января были устроены дивертисмент и различные игры. Вечер прошел довольно оживленно. Г.Е.» [7, л. 39 об.].

С особым размахом в стране праздновалась 20-я годовщина революции 1905 г. 15 сентября 1925 г. всем профорганизациям разослали циркуляр ВЦСПС о предстоящем праздновании. В нем рекомендовалось кампанию открыть клубным вечером, на котором проводить беседы, громкие чтения, доклады, лекции, киносеансы, спектакли, инсценировочные суды и экскурсии, связанные с темой кампании. Значительная роль в проведении юбилея отводилась клубам. Программа клубного вечера 20-й годовщины революции 1905 г. должна была открыться «живым» календарем событий 1905–1907 гг. Затем шли циклы воспоминаний участников революционного и профсоюзного движения 1905–1907 гг. (из рабочих местных предприятий). Рекомендовалось организовать массовые шествия и демонстрации на места, имеющие историческое значение [1, с. 90]. По подобному сценарию проходили эти мероприятия и в Витебске. «Заря Запада» сообщала, что на фабрике «Профинтерн» 19 декабря состоялось общее собрание рабочих, а также красноармейцев и комсостава Н-ского дивизиона артиллерийского полка и представителей подшефной партийной ячейки. После доклада был послан пламенный привет 14-му съезду партии. Выступили с воспоминаниями о 1905 году рабочие и представители подшефной ячейки, а после торжественной части все посмотрели инсценировку о революции 1905 года [7, л. 6]. Интересны в этих сообщениях бесхитростные комментарии рабкоров по поводу торжеств. 9 января состоялось общее собрание жен рабочих-строителей. Рабкор Забежинский писал: «Празднование юбилея 1905 года строителями проведено живо и весело. В воспоминаниях выступали многие подпольные работники и жены рабочих. Но, к сожалению, наш молодежь – комсомольцы и пионеры, все время шумели, кричали и не давали спокойно провести вечер. Пришлось ежеминутно прерывать собрание и призывать их к порядку. Слышны были крики: Довольно! *Тоже революционеры, знаем мы вас! Дашь кино и баста!* Многие не смогли высказаться до конца. Такое явление совершенно недопустимо» [7, л. 20]. Похожей была картина и в школе имени Крупской. Здесь учителями, совместно с учениками, был устроен вечер воспоминаний, посвященный революции 1905 года. «Курсанты своими силами сделали два доклада: один на русском, другой на еврейском языке. Доклады сопровождалась световой газетой с цифрами и диаграммой, которая показывала положение рабочего класса и ход революции. *Но ребята плохо себя вели: все время шутили и смеялись. С трудом удалось довести доклада до конца.* Не мешало бы ученикам держать себя сдержаннее и не перебивать докладчиков», – сетовала М. Дубровская. Более интересную форму вспомнить о событиях 1905 года выбрали

участники живой газеты при витебском клубе «Совработник». Они в своем выступлении удачно изобразили эпизоды революции 1905 года, «пальбу в безоружную толпу, наивно и слепо шедшую к “царю батюшке”». По мнению рабкора Яшки Вольного, особенно удачным по замыслу и по исполнению был лубок, представляющий всех героев самодержавия в виде манекенов, комично и правдиво рассказавших о себе и своем участии в огромном механизме царского строя [7, л. 20].

Таким образом, с одной стороны, витебские газеты были важным средством коммуникации, с помощью которого организовывались праздники, транслировались официальные оценки общественно-политических событий, происходивших в стране, а, с другой стороны, в силу известного либерализма 1920-х гг. публикации на страницах местной печати отражают реалии того времени и неоднозначность восприятия происходившего. Организуемые властями мероприятия, посвященные празднованию политико-идеологических праздников, носили массовый характер. Однако даже для «сознательной» части молодежи события 1905 года воспринимались уже как далекая старина, а формы организации праздника в виде многочасовых докладов, традиционных шествий и митингов были не привлекательны.

1. Шаповалов, С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. / С. Н. Шаповалов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. – 125 с.
2. ГАВО. – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 24.
3. Хмельницкая, Л. К вопросу об участии Марка Шагала в оформлении революционных празднеств в Витебске / Л. Хмельницкая // Шагаловский сборник. Вып. 4. Материалы XXIV и XXV Шагаловских чтений в Витебске (2014–2015) / Музей М. Шагала; редкол.: Л. Хмельницкая (гл. ред.), И. Воронова. – Минск, 2016. – 280 с.
4. ГАВО. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 93.
5. ГАВО. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 110а.
6. ГАВО. – Ф. 905. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАВО. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106.

Шишанов В.А.

АЛЕКСАНДР РОММ И «ЛЕВОЕ» ИСКУССТВО: PRO ET CONTRA (по материалам витебской периодической печати)

Имя Александра Георгиевича Ромма (1886–1952) обычно упоминается в контексте тех лиц, с которыми ему приходилось общаться на протяжении жизненного пути. Это, прежде всего, Марк Шагал, затем Казимир Малевич и те, кто определял культурную жизнь Витебска первых послереволюционных лет [8; 36, с. 72]. Ромм приехал в Витебск в октябре 1918 г. по приглашению Марка Шагала, с которым подружился еще во время учебы в школе Е.Н. Званцевой. В Витебске Александр Георгиевич возглавил Комиссию по украшению города к первой годовщине Октябрьской революции [3, с. 609], затем занимал должности руководителя мастерской рисунка и лектора в художественном училище, заведующего секцией ИЗО внешкольного подотдела губоно, председателя Комиссии по охране памятников старины и предметов искусства при губотделе просвещения (1920–1922). Перед отъездом из Витебска в июле 1922 г. Ромм работал юрисконсультантом в Витебском таможенном округе [31].

В России начала XX века понятие «футуризм» приобрело более широкий смысл, чем совокупность принципов, определявших направление в искусстве, и стало синонимом новаторского («современного») искусства, многие представители которого после Октябрьской революции, стали называть себя «левыми» художниками.

По сохранившемуся творческому наследию, А.Г. Ромма можно скорее отнести к приверженцам сезаннизма, то есть достаточно умеренного крыла искусства начала XX века. Александр Георгиевич принимал участие в выставках, так о его работах, представленных на Первой государственной выставке (Витебск, 8 ноября – 22 декабря 1919 г.), сообщается следующее: «Работы Ромма («Пейзаж», «Натюрморт») обращают на себя внимание красочной гаммой» [14]. Но больше Ромм проявил себя в Витебске как один из ведущих критиков, хотя в печати это проявилось не сразу.

Впервые фамилия Ромма упоминается в витебской прессе в начале декабря 1918 г. в связи с подготовкой диспута на тему «Меньшинство в искусстве», на котором главным докладчиком должен был выступить М. Шагал [16; 34]. Но запланированный митинг не состоялся [35], и следующий пришлось ждать до начала февраля 1919 г. Ромм называется среди участников дискуссии [32], затем он фигурирует как инструктор коллегии по делам искусств и художествен-